

ЖИВРОДНОЙ ЗЕМЛЕЙ...

Есть в этом актере человеческая основательность и надежность, духовная значительность и та «нежность души», которую в таких, как он — немногословных, сдержанных, — надо разглядеть.

Леонид Ремнев... Знаю артиста с первых шагов его на тюзовской сцене, и с первых шагов заметен он был этой своей значительностью и отсутствием начинающей робости.

Несомненный талант его раскрывался исподволь, набирая силу.

Сейчас актер — на высоте своего мастерства и многое может.

Каждая роль, однако, кажется окрашенной тем неуловимым трепетным светом, с которым вошел в него Театр. Давно, в детстве. В небольшом деревянном доме, звавшемся сельским клубом. Сюжет того первого в его жизни спектакля, который показывали артисты из райцентра, ему не запомнился. Осталось же с ним ощущение вдохновения, таинства.

Его рассказы о детстве, о родной пучежской стороне светлы и трогательны, как лесной родничок. И недаром, признался актер, в любой роли пытается найти он нравственные истоки из детства.

Что ж, это уже принцип, хотя Ремнев не очень любит посвящать в свои творческие задумки и приоткрывать форму поисков. Словно обкрадываешь себя, «опустошаешь» преждевременно; еще не выйдя к зрителю, душевную готовность высказаться.

Наверное, он прав. Попытаемся понять его. Его отношение к теме, ко времени, к жизни — в его работах.

Ремнев ныне один из ведущих актеров Горьковского ТЮЗа, прошел хорошую школу известного театрального педагога В. С. Соколовцова. Актер способен тонко чувствовать внутреннее развитие образа. А работа с режиссером Б. А. Наравцевичем привила ему вкус к отточенной, яркой форме.

При всем разнообразии ролей, сыгранных Ремневым, цемментирующими, скажем так, в его творчестве остаются те, в которых высок нравственный накал. В которых — человеческая стойкость при той душевной деликатности, способности к отклику, определяющих существо натуры.

Плужников (по повести Бориса Васильева «В списках не значился») — незаживающая рана, болевая точка, которая никогда не даст успокоиться. От этого образа, пожалуй, стоит вести отсчет наиболее значительных работ актера. Он не скрывает, как трудно было с этой ролью, но попытаться взять высокий барьер — в его характере. Он его взял, это несомненно. Если не той первой большой ролью, то всем последующим творчеством, поступательным движением своего актерского «я».

Характерно, что в связи с образом Плужникова не раз вспоминался Леониду отец, прошедший войну, потрясавший сына былями-рассказами об этой войне, но так и не досказавший всего...

И со своим Плужниковым словно договаривал за отца, за его поколение.

Мне почему-то всегда казалось, что актерской натуре Ремнева тесно на тюзовской сцене, что он может больше, чем ему предлагается играть.

Сейчас, думается, актер готов и к высокой классике, ибо обрел настоящую свободу сценического выражения. Пример? Его блестящая работа в комедии «Сон в летнюю ночь»! Основа, ткач, в исполнении Ремнева сконцентрировал в себе такой силы жизнестойкость и жизнелюбие, столько человеческого — равно пороков и добродетели, мудрости и наивности.

«месте» Островского! Под разным соусом «подавался» он разными поколениями актеров разным поколениям зрителей. Резонерствующий без дела — вызовет ли он ныне симпатии зала?

Уничтоженный, сломленный — со всеми своими высокими мыслями, высокой нравственностью — Жадов в нашем спектакле до поры до времени будет волновать, но потом зритель потребует какого-то иного, действенного поворота.

ЛЮДИ ИСКУССТВА

Благополучная актерская судьба не значит спокойная жизнь «ума и сердца». И если мне так и не удалось узнать, о какой же роли мечтает актер Леонид Ремнев, то это говорит о его большой ответственности и не меньшей скромности. Мечта мечтой, а творческие задачи неразрывно связываются с задачами тюзовской сцены, планами всего коллектива. И самоотверженность эта определяет успех Ремнева, интерес к его творчеству со стороны зрителей, пожалуй, не меньше, чем талант и трудолюбие.

Теперь стал обычным вопрос, обращенный к актерам: «Ваша тема в искусстве? Как вы ее понимаете?» Не желая ограничивать себя какими-то рамками, амплуа, многие из них, понятно, уклоняются от прямого ответа.

Ремнев рассуждает иначе. Он считает, что голос актера — гражданина, коль ему дано такое право — вести за собой зрительный зал, должен звучать значительно и современно, взволнованно и необходимо. Для русского актера всегда было характерным стремление осознать, в каком времени, в какой действительности он живет. Всегда он ощущал себя как человека, анализирующего самого себя и свое бытие.

Конечно, тему, которую ты вынашиваешь (как у композитора программное сочинение, что ли!) не хочется считать чем-то раз и навсегда заданным. Подспудная внутренняя работа в актере, как в каждом мыслящем человеке, происходит постоянно. И никакого «внутреннего багажа» он не стремится специально накапливать, о чем нередко приходится читать.

Актер испытывает такой же жизненный пресс, как и все другие люди, зрители. И все мы меняемся ныне не по дням, а по часам. Накатывают новые проблемы — видоизменяются, если можно сказать, и темы. Возьмите того же Жадова в «Доходном

На мой взгляд, спектакль «Доходное место», может быть, излишне социологизированный, не дал полной возможности раскрыться способностям актера к тонким душевным движениям.

Многое было найдено у актера в роли Вершинина в «Трех сестрах» Чехова, но многое, к сожалению, словно выстрел в пустоту, ибо его Вершинин был, пожалуй, единственно живой человек в какой-то отрешенной, отчужденной атмосфере спектакля. Нет, Вершинин—Ремнев не был лучше других, он, в отличие от других, вызывал и сострадание, и горечь. И запомнился.

Полагаю, что актерская индивидуальность Ремнева предполагает к тому, чтобы продолжать плодотворную работу над чеховскими образами.

Актер играл Вожеватова в «Бесприданнице» Островского. Но об этом говорить ему трудно и больно. Спектакль признали неудавшимся. А ведь и в неудавшийся вложено столько сердца, ума, частица жизни, наконец!

Интересно, что герои из прошлого окрашены у Ремнева в трепетные тона светлой грусти, некой тоски и томления. Герои — современники наши — скорее жизнелюбы и романтики. Скрытый темперамент их всегда готов выплеснуться в поступках добрых и не очень: Ремнев не играет только хороших или только плохих людей. В каждой его роли последнего времени — трезвое чувство меры, детали, выверенные до мелочей. Признак высокого профессионализма. Впрочем, строгий вкус не подводит и в жизни, помогая сосредоточиться на главном. Человеческая цельность Ремнева — в его неприятии пошлости, зазнайства, равнодушия, его сдержанная искренность в общении, совесть и рассудительность — снискали уважение товарищей по сцене. А это, что ни говорите,

очень много значит для успешного творчества.

Вспоминается его первая работа в ТЮЗе — спектакль «Луныя», чистый, светлый рассказ о людях, об их добрых отношениях.

Две роли в недавней постановке «Легендарная личность» по пьесе Левашова, особенно роль бригадира Гордеева, — интересное, своеобразное прочтение темы героики будней: тона неброские, скромные, ненавязчивые, но очень человеческие и убедительные.

Значительная и принципиальная для актера работа — Мякишев («Спешите делать добро») Рощина. Он умно и тонко анализирует здесь ныне наболевшее: что есть добро, и хватит ли силы его сопротивляться бездушию и бездуховности, пошлости меркантилизма.

Образ дяди Коли в спектакле «А все-таки она вертится... или Гуманоид в небе жидится») дал возможность актеру сказать, что он хочет и может интересно играть острохарактерные роли.

Особняком стоит в послужном списке Ремнева Борислав в спектакле «В начале было слово...». Пьеса современная, однако о прошлом, и воспевает Певца знаменитого Игоря похода и всех истинных певцов российской земли. Думаю, что сам актер не считает этот образ своей большой удачей, но здесь он, кажется, вполне осознанно как бы отошел на второй план. Лирическая линия его героя, довольно скромная по сценарным возможностям, не была в «тесном контакте» с главной темой спектакля. Оставалось тактично поддерживать общий публицистически-возвышенный тон постановки.

И все-таки, кажется, самый интересный образ, созданный актером на сцене ТЮЗа, — Хория в спектакле «Именем земли и солнца» («Запах спелой айвы» Друцэ). Впрочем, учитель Хория и эгоцентрист Ларра в музыкально-поэтической фантазии «Песнь о Данко» (по произведению М. Горького) четко обозначают диапазон поллярных актерских возможностей Леонида Ремнева. Ему одинаково оказались доступны психологизм и социальный мотив в первой роли и яркая пластическая выразительность — в другой.

Хория был нервом спектакля, поэтика которого заключалась в тонкой символике, в настроении возвышенно-светлом, но и тревожащем. Образ этот концентрировал в себе мысли и нравственные идеалы драмы-притчи, и от него, Хории, исходила духовность ко всем остальным.

Актеру умному, думающему, Ремневу для полного успеха в работе необходимо ощущение личной причастности к совершаемому разговору. Этот разговор со зрителем тогда и получается по настоящему заинтересованным и пристрастным.

Слушая теперь актера, я вспоминала, как страстно жил он в роли Хории в том спектакле. И понимала: ему оказались дорогими и близкими мысли автора о том, что человеческий дух живет родной землей, что в этом — его, духа, преемственность. В этом — связь поколений. В этом и только в этом — щедрость человеческого сердца.

Г. СЕЛИВЕРСТОВА.

Фото В. ШОХИНА.